

ПРАЗДНИЧНЫЙ МИР КРАСОТЫ

Татьяна Капустина, лауреат международного конкурса артистов балета в Варне, танцует на новосибирской сцене давно и много. Выпускница Московского хореографического училища, она довольно быстро заняла свое место в труппе, в первые же годы станцевав Миру в «Жизели», Зарему в «Бахчисарайском фонтане», Лауренсию в одноименном балете А. Крейна, старшую Капулетти в «Ромео и Джульетте». В первых же работах выявились свободная, величая манера танца, музыкальность, приверженность к ярким, контрастным танцам при создании образа. Капустина словно не признает полутонов. Если уж Мирта, то колюче-холодная, неприступная, ледяная, жестокая и мстительная. Если Зарема — пылкая, экзотически красивая, одержимая своей страстью. Если Лауренсия — неистовая в гневе и презрении, яростная и непоколебимая, как само возмездие. И у всех — особая горделивая посадка головы, сверкающая улыбка, почти царственная статность, мощный, красивый прыжок, величая пластика рук.

Вот на испанской площади, где только что отверкал, отзвенел танец Китри, появляется уличная танцовщица. Пылающий факел ее алого платья бьет и трепещет при каждом движении смуглых ног, алая роза в волосах заколота вызывающе небрежно. Эта испанка создана для того, чтобы сводить с ума мужчин, слушать слова восхищения, насмешливо принимать поклонение. Она вся как вызов серой повседневности, миру привычных получувств, надоевших отношений.

И танец ее, дерзкий, насмешливый, весь из знаков осклианий и волнующих зеплик, увлекает, зажигает полпу, угрожает мечанской лагопристойности. Такая же Кармен у Капустиной (балет «Кармен-сюита») — «безагонная комета», вызывающе свободная в своих страстях, «роковая» женщина, как говорили раньше в старинных романах. Танец Кармен

эффектен, балерина не пропускает ни одного выгодного движения, позы, все подается ярко, громко, с нажимом — все, что характеризует ее героиню как натуру горячую, свободолубивую, не признающую преград на своем пути.

Партия Китри в балете «Дон Кихот» тоже звучит громко, победно, танцуется ярко, парадно, эффектно. Но в большом спектакле, где героиня попадает в разные ситуации, переживает разные чувства, уже чувствуется некоторая одноплановость психологической и танцевальной гаммы. Нельзя все восклицать и все «подавать» на аплодисменты — это несколько утомляет и обедняет сам танец.

В связи с этим хочется вспомнить выступления Т. Капустиной в «Пахите», где она с большим успехом демонстрировала сдержанную благородно-величавую манеру танца, полную достоинства и тихого воодушевления.

Вспоминается лучшая и во многом сформировавшаяся Капустину как актрису роль Анны Карениной в одноименном балете, по роману Л. Толстого. В красавице Анне, казалось, тоже было что-то роковое, ее словно лихорадило в ожидании неизбежного, она рвалась навстречу своей судьбе, счастливо смеясь и не оглядываясь на прошлое. Но в бурных, драматических адажио с Вронским было столько искренности, непосредственности, неподдельного страдания и страстной любви. И танец балерины — нервный, импульсивный, встревоженный — поражал быстрой изменчивостью линий, трепетностью, благородством форм. Анна рождалась от сердца, не от желания нравиться, а от желания передать в танце то, что наполняла душу. И поэтому ее «роковая» гордая красота была такой человеческой и вызывала совершенно иные, теплые, состредающие чувства, нежели королевы некоего фантастического карнавала — Кармен, Китри, уличная танцовщица...

Большую роль в становле-

нии молодой актрисы сыграла и партия Эгины в балете А. Хачатуряна «Спартак» в постановке Ю. Григоровича. Эгина трудна для исполнения. Исключительная виртуозность танца должна соединяться с предельной раскованностью, блеском, темпераментностью. В работе над Эгиной маска «роковой» женщины пригодились — Эгина всевластна и непобедима не столько в силу своей красоты, женского обаяния, умения пленять и очаровывать, сколько в силу того холодного цинизма, с которым она пользуется преимуществами «роковой» женщины. Эгина Капустиной давно перешла грань дозволенного и недозволенного, в ней все — вызывающе недозволенно и порочно. Актриса рисует нам характер жестокий, циничный, самодовольный. В этой Эгине нет блеска аристократизма (не происхождения, конечно, а мысли и чувства), кажется, она поднялась наверх из самых низов общества, ее тактика обольщений, совращений, побед достаточно вульгарна, но зато и безотказна — срывает и высокородного Красса и бедных пастухов — все равны перед ее желанием подвести чужую волю, связать по рукам и ногам, сделать подвластным другого человека лобому ее желанию и капризам. Чувственность этой Эгины говорит громче, нежели ее интеллект. Такая Эгина под стать Крассу — засл. артисту РСФСР А. Бердышеву — грубому, кровожадному убийце, не ведающему других удовольствий, кроме как силой подчинить себе все более слабое и более духовное. В контексте такого диалога Эгина Т. Капустиной производит впечатление убедительное. Но в других вариантах она, кажется, чуть не дотягивает до сложной, неоднозначной философии образов балета Ю. Григоровича.

Т. Капустина на новосибирской сцене танцует давно и много. И поклонники ее таланта, а их немало, с нетерпением и удовольствием ждут новых работ этой интересной балерины.

С. ЗАЙЦЕВА.

ВЕЧЕРНИЙ НОВОСИБИРСК

1981 г. 6 с. 10